

16. 9 чэрвеня – Ушэсце // Патрыёт. – № 24. – 8 чэрвеня 1994 г. – С. 4.
17. Корсак, Э. У святы Вялікдзень / Э. Корсак // Кліч Радзімы. – № 34. – 25 красавіка 1992 г. – С. 2.
18. Булька, І. Ноч «Святога Яна» ў Мосары / І. Булька // Кліч Радзімы. – № 48. – 13 чэрвеня 1992 г. – С. 2.
19. Яцкевіч, Т. Нядзельная школа / Т. Яцкевіч // Віцебскі рабочы. – № 80. – 7 чэрвеня 1997 г. – С. 7.
20. Асвяшчэнне дзіцячага сада // Зара. – № 10. – 6 лютага 1993 г. – С. 2.

УДК 94(476+474.5):356.1:39“17”

С. А. Черепко

ГГУ имени Ф. Скорины, г. Гомель

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ПЕХОТЫ АРМИИ ВКЛ В 30-Х – 40-Х ГОДАХ XVIII ВЕКА

В статье исследуется вопрос об этносоциальном 30–40-х гг. XVIII в. На основе информации о месте рождения, социальной и конфессиональной принадлежности военнослужащих пехотных полков армии Великого Княжества Литовского даётся характеристика их этносоциального состава. В результате проведённого исследования установлено, что в этносоциальном плане пехота армии ВКЛ состояла преимущественно из представителей шляхты и мещанства белорусского происхождения.

По мере укрепления централизованных государств в Европе постепенно формировалась и новая модель их вооружённых сил. Появление и распространение огнестрельного оружия в эпоху Нового времени существенно сократило срок подготовки солдата, что привело к утрате военного значения доминировавшего ранее рыцарства и роли кавалерии в военном деле и росту значения пехоты. Стремительный рост масштабных вооружённых конфликтов в XVI–XVIII вв. объективно требовал организации регулярных массовых армий, однако содержание таких сил на принципе наёмничества становилось всё более обременительным для государственных бюджетов. Именно экономические и организационные трудности наёмной системы подтолкнули европейские державы к введению рекрутского набора, который способствовал национальных армий.

Историографическое наследие, посвящённое процессу формирования, структуре и организации армий европейских государств

Нового времени представлено богатым нарративом. Однако, круг работ, в фокусе внимания которых было состояние отечественной армии в последнее столетие существования Великого Княжества Литовского (ВКЛ), остаётся сравнительно узким. Польские историки XIX – начала XX вв. рассматривали армию ВКЛ периода XVIII в. как составную часть польских вооружённых сил [1–6]. Вольно или невольно формировалось представление, что здесь служат поляки и наёмные немцы. Однако, на наш взгляд, это не соответствует действительности, в связи с чем целью данной работы является характеристика этносоциального состава пехоты армии ВКЛ 30-40 гг. XVIII в. Следует отметить, что в отечественной историографии долгое время вопрос изучения армии ВКЛ в XVII–XVIII в. не находил своего исследователя. Однако, в конце XX в. появились исследования, затрагивавшие отдельные аспекты функционирования отечественной регулярной армии [7–9]. Для изучения этносоциального состава военнослужащих пехотных подразделений армии ВКЛ ценную информацию дают выявленные нами в Главном архиве древних актов в Варшаве документы Пехотного полка польного гетмана М. К. Радзивилла Рыбоньки за период 1736–1742 гг. [10; 11].

Важным этапом в укреплении военной организации Великого княжества Литовского стал сейм 1717 г. Его решения, ставшие отражением провала политики Августа Сильного по усилению королевской власти, закрепили постоянный штат войска ВКЛ, конкретные параметры военного бюджета и источники его финансирования. Для пехоты было предусмотрено чуть менее двух тысяч порций, что в теории позволяло содержать около 1,5 тыс. мушкетёров, однако фактическая численность оказалась ещё ниже. Дело в том, что порция – была единицей снабжения одного рядового. На содержание сержантов и офицеров предназначалось по несколько порций на каждого, в связи с чем количество порций и личного состава не являлось эквивалентным. Пехотные силы ВКЛ состояли из трёх полков: гвардейского и полков великого и польного гетманов [12, s. 193–194]. В таком составе организация пехоты сохранялась вплоть до военной реформы 1775 г. [13, s. 39; 14, s. 7–8].

Около 30 % штаб-офицеров (от майора до полковника) являлись уроженцами белорусских земель (преимущественно из Новогрудского, Лидского и Браславского поветов), причём все они были римо-католиками. С социальной точки зрения все штаб-офицеры принадлежали исключительно к шляхетскому сословию. Среди них 70 % исповедовали католицизм, остальные относились к протестантским конфессиям [10, с. 60–64].

Анализ выявленных источников свидетельствует, что все восемь обер-офицеров полка (от лейтенанта до капитана), зафиксированных в соответствующих списках, принадлежали к шляхетскому сословию. Конфессиональная структура данной группы представлена следующим образом: 56 % исповедовали католицизм, 33 % – лютеранство, 11 % – кальвинизм. Согласно данным документа, половина обер-офицеров происходила с белорусских земель, другая половина – с территории этнической Польши; один офицер был уроженцем Курляндии [10, s. 60–64]. При этом источники однозначно фиксируют, что все офицеры белорусского происхождения являлись римо-католиками, тогда как приверженцами протестантских конфессий выступали преимущественно выходцы из немецкой среды [11, s. 1–4].

Анализ данных, зафиксированных в переписи полка, позволяет установить, что сержантский (унтер-офицерский) состав имел преимущественно шляхетское происхождение (53 %), однако доля выходцев из мещанской среды была также значительной и составляла 40 %. Кроме того, 6 % унтер-офицеров происходили из крестьянства. Конфессиональная структура данной группы реконструируется следующим образом: 78 % составляли римо-католики; один унтер-офицер был униатом; доля протестантов достигала приблизительно 18 %. Согласно источниковым данным, 39 % унтер-офицеров являлись уроженцами белорусских земель, преимущественно Новогрудского и Оршанского поветов. При этом все выходцы из белорусских территорий Великого княжества Литовского исповедовали католицизм, за исключением одного униата и одного кальвиниста.

Социальная структура рядовых мушкетёров демонстрирует зеркальное соотношение по сравнению с унтер-офицерским корпусом. Основную массу рядовых составляли выходцы из мещанской среды и различных категорий крестьянства. Доля мещанского компонента достигала 40 %. Различные крестьянские социальные группы в совокупности составляли почти 15 %, включая 6,5 % земян и 7,8 % бояр и собственно крестьян. При этом 43 % мушкетёров происходили из шляхетского сословия [10, s. 60–64].

Конфессиональная структура рядового состава пехоты характеризуется выраженным доминированием римско-католической конфессии: 92 % мушкетёров идентифицируются в источниках как католики. Из 153 зафиксированных солдат лишь двое являлись униатами, и по одному – православным и кальвинистом, что в совокупности не достигает и 3 %. Анализ данных о рождении протестантов выявляет устойчивую закономерность: практически все они были выходцами

из немецких регионов; присутствие местных протестантов было мизерным (единственным примером является лютеранин Я. Янкевич) [8, с. 336–342].

Географическое происхождение рядового состава также поддаётся довольно точной реконструкции. Из 106 солдат, чьи места рождения удалось установить, 67 происходили с территории современной Беларуси, что составляет 63 %. Вербовка охватывала практически все белорусские поветы ВКЛ: Ошмянский, Гродненский, Минский, Речицкий, Мстиславский, Брестский, Полоцкий, Волковысский, Слонимский, Браславский. Почти все мушкетёры белорусского происхождения исповедовали римский католицизм (97 %). Исключение составляют лишь униат Г. Матусевич и лютеранин Я. Янкевич [8, с. 336–342].

На основании проведённого анализа источникового материала представляется возможным сформулировать следующие обобщающие выводы. Социальная структура командного состава пехоты ВКЛ в 1730–1740-е гг. поддаётся чёткой реконструкции. Штаб- и обер-офицерский корпус пехоты армии ВКЛ имел исключительно шляхетское происхождение. Унтер-офицерский состав был преимущественно шляхетско-мещанским. В то же время среди рядовых мушкетёров наблюдается иная картина: представители непривилегированных сословий составляли 54 %, из них 43 % – мещане, остальные – крестьяне различных категорий (включая земян и бояр). Особенностью армии ВКЛ в сравнении с российскими и западноевропейскими армиями являлось значительное присутствие местной шляхты на нижних уровнях военной иерархии: 43 % рядовых мушкетёров происходили из шляхетской среды. Вместе с тем, соотношение представителей привилегированных и непривилегированных сословий в пехоте армии ВКЛ XVIII в. свидетельствует о постепенной утрате ей традиционного шляхетского характера.

Конфессиональная структура офицерского и рядового состава регулярной пехоты армии ВКЛ 30–40-х гг. XVIII в. характеризуется выраженным доминированием представителей римско-католической конфессии. Согласно данным переписи, доля католиков среди штаб-офицеров составляла 70 %, среди обер-офицеров – 56 %, среди унтер-офицеров – 78 %, а среди рядовых мушкетёров достигала 92 %. При этом уроженцы белорусских земель, представленные на всех уровнях армейской иерархии, практически полностью принадлежали к римско-католической конфессии (от 97 до 100 %). Это не вызывает удивления, учитывая государственную конфессиональную политику того времени, а также регион формирования данного пехотного полка.

Абсолютное господство в пехоте армии ВКЛ адептов католической конфессии абсолютно не означает превалирование тут представителей польского этноса. Подобная конфессиональная структура представляется закономерной, учитывая общую религиозную картину ВКЛ этого периода. Этнический состав пехоты регулярной армии ВКЛ демонстрирует устойчивые закономерности. По данным переписи, 63 % мушкетёров, 39 % унтер-офицеров, 50 % обер-офицеров и 30 % штаб-офицеров происходили из белорусских поветов ВКЛ.

Проведённый анализ источников позволяет заключить, что социальная, конфессиональная и этническая структура пехоты ВКЛ в первой половине XVIII века демонстрирует устойчивые и взаимосвязанные закономерности. Командный состав формировался исключительно из шляхты, что полностью соответствовало общеевропейской практике того времени, тогда как унтер-офицерский корпус сочетал в себе элементы как шляхетского, так и мещанского сословий. Рядовой состав, напротив, включал значительную долю представителей непривилегированных сословий, хотя участие местной шляхты на низших уровнях военной иерархии оставалось заметным – особенностью, отличавшей армию ВКЛ от армий соседних государств. Это объясняется вольнонаёмным принципом комплектования, сохранявшимся в ВКЛ в период, когда большинство европейских держав перешли к рекрутской системе. Конфессиональный профиль пехоты был однородным: на всех уровнях доминировали римские католики, что отражало как государственную религиозную политику, так и региональную специфику формирования полков. При этом католический характер войска не свидетельствовал о его «полонизации»: этническое ядро пехоты составляли выходцы из белорусских земель, присутствовавшие во всех категориях личного состава, тогда как доля иностранцев, включая уроженцев иных регионов Речи Посполитой, оставалась второстепенной.

Список источников и литературы

1. Górski, K. *Historia piechoty polskiej* / K. Górski. – Kraków: nakładem księgarni polskiej spółki wydawniczej, 1893. – 274 s.
2. Górski, K. *Historia jazdy polskiej* / K. Górski. – Kraków: nakładem księgarni polskiej spółki wydawniczej, 1894. – 366 s.
3. Górski, K. K. *Historia artylerii polskiej* / K. Górski. – Warszawa: w księgarni E. Wende, 1902. – 325 s.
4. Gembarzewski, B. *Rodowody pułków polskich i oddziałów równorzędnych od r. 1717 do r. 1831* / B. Gembarzewski. – Warszawa: nakładem tow. wiedzy wojskowej, 1925. – 100 s.

5. Kukiel, M. Zarys historii wojskowości w Polsce /M. Kukiel. – Kraków: nakładem Krakowskiej spółki wydawniczej, 1929. – 356 s.

6. Wimmer, J. Historia piechoty polskiej do roku 1864 / J. Wimmer. – Warszawa: MON, 1978. – 615 s.

7. Чаропка, С. А. Этнаканфесійны склад пяхоты рэгулярнай арміі ВКЛ у першай палове XVIII ст. / С. А. Чаропка // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер.: Гуманитарные науки. – 2014. – № 4(85). – С. 105–110.

8. Чаропка, С. А. Сацыяльна-канфесійны склад пяхоты ВКЛ у 30–50-я гг. XVIII ст. / С. А. Чаропка // Научные труды Республиканского института высшей школы : сборник научных статей. – Минск, 2014. – Вып. 14, ч. 1. – С. 336–342.

9. Чаропка, С.А. Войска ВКЛ у святле ваеннай рэформы 1717 г. / С. А. Чаропка // Науч. труды Респ. инстит. высш. школы: сб. науч. статей; в 2 ч. Ч.1; редкол. В. Ф. Берков (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2012. – С.336–343.

10. Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). – AR VII. – Sygn. 89. – S.60-65. – Specyfikacja oficerów regimentu pieszego buławy polnej Wojsk WXL Confessione, Natione, Congonime(1736 г.).

11. AGAD. – AR VII. – Sygn. 105. – 18 s. – Sztamrolle chorągwi regimentu pieszego buławy polnej WXL (1742 г.).

12. Volumina Legum. – Petersburg, nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – 340, VII s.

13. AGAD. – Archiwum Radziwiłłowskie. Dział VII (AR VII). – Sygn. 89. – S.67. – Komput Wojska WXL (1737 г.).

14. AGAD. – Zbiór Popielów. – Mkrf. A 34575. – Stan wojsk na 1776 г.

УДК 271.2[008:001.9](476)

А. М. Довнар

ГрГУ имени Я. Купалы, г. Гродно

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРИОД ПРАЗДНОВАНИЯ 2000-ЛЕТИЯ ХРИСТИАНСТВА

Статья посвящена анализу подготовки и проведения празднования 2000-летия христианства в Республике Беларусь как масштабного духовно-культурного и общественно-государственного проекта. Основное